

Образ Амнерис в «Аиде» — от классической оперы (1871 г.) к современному мюзиклу (2000 г.)

Научный руководитель — Кишбали Тамаш Петер

Савельева Анастасия Игоревна

Студент (магистр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Исторический факультет, Москва, Россия

E-mail: anastasiasavelyeva@gmail.com

В докладе будет рассмотрен подход к формированию сценического образа принцессы Амнерис, героини оперы (премьера 1871 г.) и мюзикла (премьера 2000 г.) «Аида». Основное внимание будет уделено костюму и украшениям дочери фараона. В ходе анализа будут выявлены прототипы, к которым обращались создатели, — подлинные памятники и образы, укрепившиеся в массовом сознании; а также механизмы их восприятия, интерпретации и трансформации. Обращение к двум постановкам позволит выявить как общие тенденции, так и особенности, характерные для каждой эпохи.

Опера Джузеппе Верди «Аида», премьера которой была приурочена к открытию Суэцкого канала и состоялась в Каире в 1871, по праву считается кульминацией египтомании в театре. К разработке сюжета и визуальной составляющей первых постановок был привлечен французский египтолог Огюст Мариет.

Царивший в то время стиль историзм с удовольствием аккумулировал элементы различных исторических периодов, не допуская при этом их прямого цитирования, адаптируя их даже для театральной сцены.

В ранних эскизах костюма принцессы Амнерис можно видеть попытку скопировать подлинные египетские женские образы в плиссированном белом платье с короной-коршунном. Однако уже в самых первых сценических интерпретациях наблюдается отход от этой концепции. Амнерис первых лет существования оперы — это дама, затянутая в корсет и в юбку с турнюром по моде 1870-80х гг. Только орнаментальный декор и элементы ее украшений носят подлинные египетские черты.

Искусство конца XX века не могло не попытаться заново интерпретировать известный сюжет. Композитор Элтон Джон и либреттист Тим Райс представили свою версию бессмертной истории любви на фоне Великих пирамид. Премьера мюзикла «Аида» состоялась на сцене бродвейского театра Палас в 2000.

В отличие от современной оперы, мюзикл остается более консервативным жанром, предпочитая не шокировать зрителя новым визуальным языком, а транслировать привычные ему зрелищные образы. Если Мариет в своих поисках опирался на научные знания своего времени о египетском искусстве и культуре, создатели мюзикла обращались к образу Древнего Египта, сформировавшемуся еще в XIX столетии и окончательно закрепившемуся благодаря кинематографу века XX. В наряде Амнерис мы видим не принцессу, сошедшую с египетских рельефов и даже не оперную диву прошлого столетия в пышных юбках, а скорее Клеопатру в голливудском своем проявлении.

Свою роль сыграли и новые находки, о которых не знали создатели оперы. Бюст Нефертити, найденный в 1912, в массовом сознании является одним из символов Древнего Египта. Именно Нефертити подарила новой Амнерис свою корону, тем самым подчеркнув ее особый новый статус — наследницы, готовящейся принять бремя власти от своего отца.

Несмотря на то, что на первый взгляд подходы и источники вдохновения разнятся, визуальная составляющая обоих спектаклей транслирует в первую очередь сложившееся

в массовом сознании представление своей эпохи о Древнем Египте, не углубляясь при этом в его подлинную художественную традицию.